

Карин Клеман

Jeremy Morris, Andrei Semenov, and Regina Smyth, eds. Varieties of Russian Activism: State-Society Contestation in Everyday Life. Bloomington: Indiana University Press, 2023. 314 pp. ISBN 9780253065476.

*Карин Клеман, независимый исследователь, Франция.
carine_clement@hotmail.com.*

Эту книгу я прочитала за два дня – настолько это увлекательное и убедительное путешествие в реальный мир низового российского активизма. Она далека от стереотипов и упрощений типа «все русские авторитарные и путинисты». В то же время редакторы не идеализируют россиян: в книге они не революционные активисты и не бросают вызов авторитарному режиму. Авторы монографии проводят многогранное, чувствительное и очень информированное исследование глубинного общества. Понятно, что это не «знак качества», но редакторы неоднократно (может быть, даже слишком часто) подчеркивают связь с предшествующими и пионерскими для своего времени исследованиями низового российского активизма (Клеман и др. 2010). Даже понимая, что по академическим канонам это не принято, не могу не выразить редакторам рецензируемой работы глубокую признательность за это.

При этом книга вносит самостоятельный и очень серьезный вклад в социологию общественных движений, социальных перемен и взаимоотношений между государством и гражданами в условиях авторитаризма. Во-первых, потому что это не анализ одного кейса, а рассмотрение множества различных случаев низового активизма – в разных регионах и пространствах (включая маленькие и далекие города и даже деревни), разных сферах (жилищная, городская, трудовая, досуговая, языковая, электоральная и гуманитарная), разных социальных группах (благополучная городская молодежь, рабочие индустриальных районов, этнические меньшинства, соседские и – даже – церковные сообщества). Анализ многообразных и удивительных случаев активизма (тем более там, где его существование трудно подозревать, как, например, среди православных священников) дает коллективному исследованию особенную силу и обосновывает один из основных выводов книги: российское общество способно к активизму, то есть к коллективным действиям для защиты своих прав перед правящими классами, и подвергается огромным социальным изменениям (а также само их производит).

Другая сильная сторона монографии – ее очевидный вклад в теорию как социальной мобилизации, так и авторитаризма или государство-общественных отношений. Работа написана в парадигме последних исследований по теории активизма. Авторы уточняют, как в российском национальном контексте и в каждом отдельном случае работают традиционные концепты теории. Например, про силу социальных связей и локальных или соседских сообществ пишут Регина Смит (Regina Smyth), Мадлен Маккэнн (Madeline McCann), Кэтрин Хичкок (Katherine Hitchcock) в главе «From Neighbors to Activists» (От соседей к активистам), посвя-

щенной активизму, связанному с государственной программой реновации в Москве – борьбе за реновацию или против нее (с. 70–92). Они показывают, что социальные связи отчасти предшествуют активизации, отчасти создаются и меняются в ходе борьбы и взаимодействий с государством. Про фрейминг и рефрейминг пишут почти все авторы, показывая, что потенциальные активисты способны сопротивляться официальному фрейму и менять восприятие ситуации и проблемы, когда общаются и делятся своими эмоциями и возмущением по тому или иному поводу, обмениваются сведениями. Подчеркивается также роль социальных сетей и альтернативных медийных платформ в распространении активистских фреймов (например, в написанной Гузелью Юсуповой (Guzel Yusupova) главе 3, где рассказывается о борьбе в защиту миноритарных языков в этнических республиках). При этом, как показывает Джереми Моррис (Jeremy Morris) в своей главе о профсоюзах (глава 7), интернетовский и повседневный активизм не стоит противопоставлять, они могут дополнять друг друга.

Естественно, что в контексте авторитаризма много внимания уделено обсуждению структуры возможностей (особенно в третьей части книги). В целом структура неблагоприятна для активизма из-за репрессий, отдаленности политической верхушки от народа, свертывания политических свобод и прав. Однако авторы подчеркивают, что возможности для активизма все равно сохраняются или производятся самими активизирующимися людьми – вплоть до поиска союзников в локальных властных структурах. Особенно наглядно это демонстрирует глава 12 «Active Urbanities in an Authoritarian Regime» (Активные горожане в условиях авторитарного режима), посвященная предвыборной кампании Алексея Навального в 2017–2018 годах. Авторы главы – Ян Матти Долльбаум (Jan Matti Dollbaum), Андрей Семенов (Andrei Semenov) и Елена Сироткина (Elena Sirotkina) – показывают, как гибридная система, созданная Навальным, – смесь социального движения и электоральной машины – смогла преодолеть препятствия, с которыми сталкивается политическая оппозиция в России. Эта система имела организационный костяк в виде Фонда борьбы с коррупцией, а также включала организацию общественных кампаний, обретение финансовой автономии через краудфандинг, обширную сеть волонтеров и мощную информационную машину, работающую как онлайн, так и офлайн.

Таким образом, традиционные концепты социологии активизма уточняются и дополняются новыми, релевантными в российском контексте – такими как повседневный активизм, неформальное общение, арены борьбы, вовлечение (entanglement). Анна Желнина (Anna Zhelnina) в главе 6 использует концепт «арена борьбы», чтобы анализировать, как недовольные программой реновации Москвы граждане встречаются между собой, создают связи доверия и каналы информации, взаимодействуют с оппонентами и властными агентами, преодолевают препятствия, наступают и отступают, этим трансформируя и себя, и окружающую реальность.

Моррис, анализируя низовой профсоюзный активизм (глава 7), предлагает концепт «experiential entanglement» – основанное на опыте вовлечение. Этот термин должен охватить динамику меняющихся связей между активизирующимися

ся людьми как основанную на эмоционально заряженном совместном проживании конкретного жизненного опыта. В целом и Моррис, и Желнина, и другие авторы подчеркивают динамизм процесса становления активиста (или прекращения активизации): люди учатся активизму через опыт совместных действий (*learning by doing*), поэтому трудно втолкнуть исследование низового активизма в жесткие теоретические рамки.

Стоит еще остановиться на одном редком (особенно когда речь идет об активизме и государстве в авторитарной России) в литературе тезисе. Авторы несколько раз отмечают, что политическая система авторитарна, но при этом уточняют, что речь идет не только о политическом авторитаризме, но и об экономическом. Несколько раз в работе встречается термин «рыночный авторитаризм», использование которого кажется нам весьма уместным, поскольку крупные экономические акторы играют немалую роль в подавлении низовой активизации.

Упрощенному анализу с использованием обычных для исследований авторитаризма терминов авторы предпочитают анализ взаимоотношений между государством и обществом. Они показывают, что авторитаризм не означает полного контроля над обществом. Во-первых, государство вызывает недовольство и претензии прежде всего тем, как оно проникает в повседневную жизнь. Во-вторых, его попытки управлять информацией и манипулировать протестом могут вызывать контринформационные усилия и адаптационные, креативные действия. В-третьих, государственная машина немонолитна, и – особенно на локальном уровне – возможно иногда найти союзников или хотя бы собеседников внутри системы. В то же время даже если государство не в силах полностью раздавить общество, репрессивная машина требует со стороны активистов огромных усилий по преодолению таких препятствий, как непрозрачность государственных действий, непредсказуемость, произвольность и тактика разобщения активизировавшихся людей.

Поэтому в таком авторитарном обществе, как в России, открытый политический активизм – редкость. Люди отделяются от политики, даже когда они ею фактически занимаются. Это не исключительная особенность современной России. Названная черта в связи с авторитарными режимами бедных стран была отмечена уже давно, об этом писали, используя, например, концепт «инфраполитика» (*infrapolitics*) (Scott 1990). Низовой повседневный активизм иногда перетекает в открыто политический, но так происходит не всегда и не обязательно. Однако и обратное верно. Как показывают авторы рецензируемой книги, нет абсолютного разрыва между политическим и повседневным активизмом. Политические активисты могут иногда подключиться к повседневному активизму (как, например, Кирилл Украинцев, левый активист и курьер, содействовавший борьбе московских курьеров за свои права), а сами активисты повседневности иногда становятся политическими – например участвуя в местных выборах.

Еще одна сильная сторона книги состоит в том, что это не сбор разных исследований. Авторы действительно создали коллектив, объединенный общими концептуальными рамками. Они ссылаются друг на друга и намерены доказать и показать что-то общее: то, что низовой активизм, жив; то, как он все время меняется

и адаптируется к меняющимся условиям, в том числе к преградам, созданным репрессивной властью. Пока одни отходят от активизма, активизируются новые люди, которые находят всякий раз новые ниши, изобретают новые способы общения и взаимодействий. Так что, как сформулировано авторами книги, взаимоотношения «государство – общество» – это динамичный круг взаимных влияний (с. 291).

Наконец – и это представляется особым вызовом исследователю – авторы признают, что изучение низового активизма в таких странах, как Россия требует от исследователей особой сенситивности (*research sensitivity*). Они, во-первых, должны вызывать доверие у людей, с которыми общаются (это отмечено у Морриса), и формирование таких отношений происходит нелегко, поскольку доверие в таком случае основывается на конкретных делах и опыте, более чем на словах. Во-вторых, исследователи могут реконструировать пути активизации или ухода от активизма, скорее исходя из своих теоретических или субъективных представлений, чем следуя жизненным обстоятельствам человека (об этом пишет Желнина). В-третьих, исследование такого рода требует глубокого знания и даже предварительного погружения в поле (что отмечено у Джона Берджесса (*John P. Burgess*)). Как исследователю успешно лавировать между включенностью и необходимой для науки отстраненностью – тема, которую еще предстоит обсуждать.

В завершение коснусь самого большого и деликатного вопроса, на который авторы монографии лишь частично отвечают в заключительной части работы (с. 294–295). Отчасти он связан с тем, что основные исследования проводились до войны с Украиной, а отчасти – с недостатком сведений. Что же остается от всего этого живого низового активизма после начала войны? Авторы пишут, что, несмотря на усилившиеся репрессии и отсутствие возможностей политической критики, низовые формы активизма выжили и сконцентрированы вокруг городских и экологических вызовов или несправедливости в социально-экономической сфере. Авторы убеждены, что низовой активизм настолько многоликий и пластичный, что вряд ли исчезнет в годы войны. Хотелось бы разделить их оптимизм, однако меня не оставляет тревога. Постоянный рост низового активизма в постсоветское время связан в том числе с распространением чувства обладания определенными полномочиями, веры в себя и других (*empowerment*). Все больше людей убеждались, что, объединившись, они могут чего-то добиться. Все чаще они обнаруживали, что их соседи или коллеги оказывались достойными доверия людьми, когда все действовали сообща. И этот опыт передавался, тиражировался, так что все эти ручейки недовольства и низового активизма были уже близки к тому, чтобы сформировать общее течение. Во всяком случае, низовое общество сильно трансформировалось. Что от этого остается сегодня, в условиях, когда люди боятся поделиться друг с другом своим мнением по тому или иному поводу, когда они уже прекрасно знают, чем им грозит неосторожное слово или дело? Не исключено даже, что президент Владимир Путин начал войну не в последнюю очередь для того, чтобы защитить авторитарный режим от растущего недовольства и потенциала самоорганизации. Однозначно охарактеризовать нынешнее со-

стояние низового активизма нельзя. Для этого требуются даже не социологические исследования, а тонкие этнографические наблюдения, которые способны провести лишь активисты-исследователи. В связи с этим отдельно хочу упомянуть рискованные этнографические исследования, предпринятые сотрудниками проекта «Лаборатории публичной социологии» (PS Lab) (Лаборатория публичной социологии 2024). Эти исследования, как минимум, дают основание не отчаиваться и не расплакаться в предчувствии распада низовых активистских и социальных связей. Так что вера остается, но полной уверенности нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Клеман, Карин, Ольга Мирясова и Андрей Демидов. 2010. *От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата.
- Лаборатория публичной социологии. 2024. «Надо как-то жить». *Этнография российских регионов во время войны (на материалах осени 2023)*. Отчет по проекту. <https://publicsociologylab.com/assets/reports/PSLab-Report3.pdf>.
- Scott, James C. 1990. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven, CT: Yale University Press.